

В диссертационный совет 02.1.002.004,
созданный на базе ФГНИУ «Институт
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации»
(117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34)

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

Кантор Наталья Евгеньевны
на диссертацию Столярчука Михаила Владимировича на тему
«Номинальные участники процедуры банкротства», представленную на
соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Актуальность выполненного исследования. Диссертация М.В. Столярчука «Номинальные участники процедуры банкротства» посвящена номинальности как одному из проявлений злоупотребления правом при банкротстве, раскрытию видов номинальных участников процедуры банкротства и способам защиты прав кредиторов, чьи права были нарушены. Целью диссертационного исследования стало формирование научного представления о номинальных участниках процедуры банкротства посредством комплексного анализа законодательства, научной литературы и судебной практики.

Актуальность темы не вызывает сомнений. С развитием рыночных отношений и удешевления кредита, возникают риски несостоятельности отдельных участников оборота, что влечет обращение взыскания на имущество или привлечение к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица.

В целях минимизации указанных негативных последствий должниками могут предприниматься различные недобросовестные действия: сокрытие активов путем их оформления на имя третьих лиц; введение в состав участников (учредителей) или менеджмента хозяйственных обществ номинальных контролирующих лиц; создание фиктивной кредиторской задолженности или манипулирование торгами при банкротстве.

В совершении указанных действий помимо должника принимают участие третьи лица. В судебной практике они именуются мнимыми собственниками, номинальными руководителями, дружественными кредиторами. В юридической литературе указанные лица получили существенно меньшее освещение по сравнению с должниками и бенефициарами компаний. Вместе с тем они представляют значительный интерес с точки зрения доктрины и практики. По этой причине выбор данной темы представляется обоснованным.

Научная новизна исследования не вызывает сомнений. В диссертации М.В. Столярчука представлены положения и выводы, обладающие научной новизной и имеющие значимость для развития науки гражданского права. В работе дано понятие номинальности для целей несостоятельности (банкротства), сформулированы признаки номинальных участников процедуры банкротства, предложены механизмы выявления номинальных лиц и рассмотрены варианты защиты прав кредиторов от негативных последствий. Автором даны рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на оптимизацию рассмотрения обособленных споров в делах о банкротстве.

Обоснованность и достоверность научных положений и выводов, сформулированных в диссертации. Отраженные в диссертации утверждения являются точными, тщательно и полностью аргументированными с точки зрения как теоретической составляющей, так и с точки зрения правоприменительной практики.

Введенная автором категория номинальности при несостоятельности рассматривается в качестве одного из проявлений злоупотребления правом. Номинальность раскрыта путем выделения следующих признаков: она характеризуется скоординированными недобросовестными действиями номинального участника процедуры банкротства и конечного выгодоприобретателя, направленными на обеспечение контроля за процедурой банкротства конечного выгодоприобретателя (выступающего в роли должника) или принадлежащего ему юридического лица и минимизацию

для него негативных последствий несостоятельности в ущерб интересам кредиторов. Помимо наиболее часто встречающихся в практике номинальных контролирующих лиц и мнимых собственников к числу номинальных участников процедуры банкротства отнесены номинальные кредиторы и номинальные участники торгов.

Позиция соискателя обосновывается ссылками на действующее законодательство, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и обширный перечень доктринальных источников. По спорным вопросам автор стремится обозначить свою позицию. Полученные в диссертации результаты являются новыми и достоверными, представляют несомненный научный интерес.

Изложение материала представляется логически обоснованным. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в себя параграфы, заключения, библиографического списка и приложения.

Первая глава диссертации раскрывает тезис соискателя о недопустимости использования личности в качестве средства достижения противоправной или недобросовестной цели. Указывается, что одним из проявлений использования одним лицом другого для достижения противоправной или недобросовестной цели следует признать практику использования номинальных лиц. Номинальные лица могут использоваться, например, с целью налоговой оптимизации, обхода антикоррупционного и гражданского законодательства, совершения ряда экономических преступлений. Номинальность в банкротстве имеет специфику, определенную историческими предпосылками и предметом права несостоятельности.

В целях раскрытия темы соискателем уделено внимание истории рассматриваемого вопроса (стр. 17-22). Анализируя положения нормативных правовых актов, судебной практики и доктрины, автор приходит к выводу о том, что в силу особенностей правового регулирования отношений несостоятельности недобросовестные действия должников по формальному дистанцированию от принадлежащих им активов с использованием третьих лиц сначала проявляют себя в предписаниях уголовно-правовой

направленности, а несколько позднее — в частном праве. Обосновано, что наиболее распространенными следует признать создание номинальных кредиторов, номинальных контролирующих лиц и лиц, формально принимающих на свое имя активы должника. В видении автора, в качестве потенциальных кандидатов на роль соучастников недобросовестного должника рассматривались преимущественно его родственники или пользующиеся его доверием лица. В завершении главы автором приводится собственное понятие номинальности для целей несостоятельности (банкротства) (стр. 57).

Вторая глава раскрывает тематику номинальных собственников. Свою позицию автор основывает на общем понимании действий должника, направленных на сокрытие активов с помощью номинальных собственников. Неординарным представляется выделение автором «соглашения о порядке приобретения и пользования активом» между должником и номинальным собственником (стр. 72). По мнению автора, существо предполагаемой сделки может быть сведено к тому, что должник одаряет номинального собственника объектом гражданских прав при условии, что последний будет реализовывать свои права собственника (арендатора) по согласованию с должником. Выделение подобного соглашения предлагается для целей облегчения бремени доказывания отношений номинальной собственности. Основным этапом увода актива признается сделка, направленная на отчуждение (приобретение) актива в пользу номинального собственника. В результате реализации такой стратегии на дату открытия процедуры банкротства должник фактически располагает двумя имущественными массами: первая известна кредиторам, но изначально недостаточна для погашения их требований; вторая скрыта от них и представляет собой своего рода подушку безопасности должника. Справедливым представляется указание автора о том, что в результате подобного сокрытия активов вред причиняется не только кредиторам должника, но и кредиторам номинального собственника.

При раскрытии способов защиты прав кредиторов автором отмечается, что в рамках дела о банкротстве должника действия финансового

управляющего и кредиторов по противодействию номинальным собственникам должны включать два этапа. На первом этапе осуществляются мероприятия по выявлению номинальных собственников и принадлежащего им имущества путем истребования сведений о лицах, связанных с должником отношениями родства (свойства), и анализа иной информации, относящейся к должнику (данные о транспортных средствах, к управлению которыми допущен последний; сведения из социальных сетей и пр.). После определения номинального собственника и спорного актива необходимо запросить обеспечительные меры. На втором этапе следует поставить перед судом вопрос о принадлежности актива должнику. По мнению автора, наиболее эффективным способом защиты прав кредиторов выступает иск о признании ничтожной сделки, на основании которой актив был зарегистрирован на имя номинального собственника, недействительной. Примечательно, что по тексту главы и работы в целом автор использует термин «номинальный собственник», не ограничиваясь термином «мнимый собственник», который использовался Верховным Судом Российской Федерации по делу С.А. Рассветова.

В завершающей части главы рассмотрена проблема применения правил об исковой давности к искам о признании недействительными сделок между должником и номинальным собственником. Основываясь на деле Г.Б. Балаяна, автор обосновывает ошибочность позиции Верховного Суда Российской Федерации о том, что заявление о применении исковой давности не может быть квалифицировано как злоупотребление правом. Позиция автора может показаться радикальной, вместе с тем оговорка об исключительности отказа в применении исковой давности позволяет признать подход автора заслуживающим внимания.

Третья глава диссертационного исследования посвящена номинальным контролирующим лицам.

Заслуживает поддержки предпринятая соискателем попытка рассмотрения номинальных контролирующих лиц как прямой противоположности лицам, обладающим как корпоративным, так и

экономическим контролем над юридическим лицом. Не вызывает сомнений также и подчеркнутая цель использования номинальных контролирующих лиц, состоящая в минимизации рисков привлечения к субсидиарной ответственности конечных выгодоприобретателей. Автором предложено исходить из наличия у номинального контролирующего лица внутренней и внешней характеристик. Интересной представляется авторская позиция о необходимости проведения предварительной проверки контролирующего лица на предмет номинальности (стр. 158-160). Действительно, тщательный сбор информации о контролирующем лице на начальном этапе процедур банкротства может повысить эффективность последующего рассмотрения спора о привлечении к субсидиарной ответственности.

В вопросе определения размера ответственности номинальных контролирующих лиц автор основывается на преобладающей в науке позиции о том, что субсидиарная ответственность является разновидностью деликтной. Номинальное контролирующее лицо предлагается рассматривать в качестве соисполнителя. Автор справедливо констатирует сложность применения на практике положений п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве о возможности освобождения (уменьшения размера) субсидиарной ответственности. Отсутствие четких критериев разграничения уменьшения и освобождения от ответственности, сложность раскрытия номинальным лицом информации о бенефициарах или его имуществе выступают теми проблемами, которые требуют разъяснений.

Видится заслуживающей внимания позиция соискателя о том, что привлечение к субсидиарной ответственности не должно являться самоцелью, поскольку в большинстве случаев номинальные контролирующие лица не обладают имуществом, на которое может быть обращено взыскание. Сообщество кредиторов должно соблюдать баланс между стремлением «наказать» номинального участника процедуры банкротства и задачей поиска активов (стр. 178).

Вместе с тем в диссертации, как и в любом научном исследовании, имеются дискуссионные вопросы, требующие освещения в ходе публичной защиты.

1. Исторический экскурс со времен римского права до наших дней, проведенный автором, показывает, что использование подставных лиц для увода имущества от взыскания кредиторов свойственно натуре человека и во многом обусловлено психологическими и социальными причинами. Имеет ли данное явление общественную значимость либо оно нарушает лишь частный интерес отдельных лиц? Автору при публичной защите предлагается оценить необходимость / достаточность правовых мер, предотвращающих и искореняющих данное явление.

2. Основываясь на номинальности применительно к участникам дела о банкротстве, автор использует термин «номинальный кредитор». Между тем, данный термин применим только к узкой ситуации, когда фиктивное, необоснованное требование подтверждено судом в деле о банкротстве и включено в реестр. Именно в таком случае можно говорить о номинальности кредитора. Вместе с тем, в большей части, М.В. Столярчук анализирует не номинальность кредитора, а номинальность *требования* к должнику. В ходе публичной защиты предлагается разъяснить указанное расхождение.

3. Автором указывается на право кредиторов на обращение с заявлением об отмене судебного акта по правилам пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам и отмечается, что ранее данное право было разъяснено в п. 24 Постановления № 35 (стр. 49). Между тем, ранее у кредиторов имелось право на обжалование судебных актов в общем процессуальном порядке, т.е. на подачу жалобы в вышестоящую инстанцию, что часто было сопряжено с необходимостью восстановления пропущенного срока на обжалование и потому было неэффективно для защиты интересов кредиторов. В этой части хотелось бы узнать мнение автора относительно эффективности новой нормы Закона о банкротстве, преследующей цель преодоления номинальности кредиторов (их требований) в деле о банкротстве.

4. Для обозначения участника отношений номинальности автор использует термин «конечный выгодоприобретатель» и называет два элемента его статуса: сохранение фактического контроля и получение материальной или иной выгоды (стр. 58). Является ли элемент контроля обязательным для статуса выгодоприобретателя по смыслу п. 7 Постановления №53, а также статуса выгодоприобретателя в правоотношениях, регулируемых Гражданским кодексом Российской Федерации? Можно ли считать предлагаемый термин «конечного выгодоприобретателя» унифицированным для различных видов гражданско-правовых отношений либо он является специальным — исключительно для отношений с участием номинальных лиц в деле о банкротстве?

5. Придерживаясь концепции унитарности права собственности (стр. 77-79), М.В. Столярчук под номинальной собственностью понимает цепочку из двух сделок:

(1) соглашение о порядке приобретения и пользования активом и

(2) сделку по отчуждению (приобретению) актива в пользу номинального собственника,

совершенных со злоупотреблением правом (стр. 107-108).

В связи с этим требуются пояснения по следующим вопросам:

а) можно ли считать, что номинальная собственность, по существу, — это особое основание недействительности сделок?

б) не порождает ли учет интересов кредиторов конечного выгодоприобретателя и/или номинального лица, в зависимости от того, кто из них находится в состоянии финансового кризиса (стр. 128-133), другой, вещно-правовой, характер спора («чье имущество»)?

в) каково содержание отношений номинального собственника и конечного выгодоприобретателя в случае, если банкротство ни одной из сторон не наступит? Будут ли отношения номинальной собственности симулятивными?

6. В своей работе автор подчеркивает, что в отличие от фраздаторных сделок для симулятивных иррелевантно наличие кредиторов, а

потому их наличие на момент совершения сделки в пользу номинального собственника не должно быть обязательным условием для предоставления кредитору права оспаривать сделку (стр. 107). Далее, рассматривая вопрос об исчислении срока давности при оспаривании, М.В. Столярчук указывает (стр. 142), что права кредиторов должника нарушаются уже в момент вступления в отношения с должником (в части состава имущественной массы, которой должник будет отвечать по принятым на себя обязательствам).

Вместе с тем, если исходить из концепции унитарности права собственности, принципа достоверности данных государственных реестров, то кредиторы и не должны полагаться на то имущество, которое отсутствует у контрагента-должника на момент совершения сделки (зарегистрировано за другим лицом).

Чем может быть объяснен постфактумный приоритет интересов кредиторов, которые не знали и не должны были знать об имуществе должника, находящегося в собственности номинального лица при совершении сделки с кредитором, перед законодательными правилами установления принадлежности имущества определенному лицу? Может ли существовать намерение причинить вред кредиторам в отсутствие у должника предпосылок несостоятельности и самих кредиторов при передаче имущества в номинальную собственность?

Высказанные замечания носят дискуссионный характер не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования и его научной значимости. Содержащиеся в работе выводы соответствуют поставленным целям и задачам, обладают теоретической и практической значимостью. Сама диссертация представляет собой целостное, самостоятельное, завершенное научное исследование, выполненное по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях соискателя в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования

Российской Федерации для публикации основных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, и в автореферате.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что диссертационное исследование Столярчука Михаила Владимировича на тему «Номинальные участники процедуры банкротства» отвечает критериям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук в соответствии с Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а его автор – Столярчук Михаил Владимирович заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент:

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского
и корпоративного права Федерального
государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Кантор Наталья Евгеньевна «2» марта 2026 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право.

Адрес места работы:
123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр.1,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е.
Кутафина (МГЮА)»,
Кафедра предпринимательского и корпоративного права,
Телефон: +7(499) 244-88-88 (доб. 429), Электронная почта: Lab.Krkr@msal.ru
сайт: <https://msal.ru/>

Подпись заверяю
Начальник отдела по учетно-аналитической
Управления кадров
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

(подпись) (Ф.И.О.)

